

ПРАВИЛА *Ігри*

НИКА ШАР

18+

Ника Шар

Правила игры

«Автор»

2026

Шар Н.

Правила игры / Н. Шар — «Автор», 2026

Анна привыкла контролировать всё: работу, дом, детей. Но однажды её отправляют в командировку в город мечты — Невинск. Там она встречает Алексея — обаятельного, щедрого, готового подарить ей то, о чём она уже забыла: чувство собственной ценности. Однако за роскошными ужинами и подарками скрывается игра, в которой ставка — её жизнь. Сможет ли Анна вырваться из паутины лжи, чтобы сохранить себя и вернуться к тем, кто ждёт её дома?

© Шар Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ника Шар

Правила игры

Пролог

Иногда жизнь меняется не в тот момент, когда ты принимаешь решение.
А в тот, когда решение принимают за тебя.

Глава 1

Анна проснулась за минуту до будильника. За эти пять лет раздельного сна с мужем организм выработал привычку внезапно просыпаться от любых резких звуков. Даже во сне. Она полежала с открытыми глазами, прислушиваясь к звукам в доме, прогоняя остатки сна.

С кухни доносился запах подгорелого тоста. Сергей снова пытался сделать детям завтрак и опять провалил миссию. Из ванной слышался шум воды и приглушённый спор детей: семилетний Дани не хотел чистить зубы, пятилетняя Катя требовала, чтобы он немедленно вышел, потому что «девочкам нужно больше времени».

И ещё один день, повторяющийся день, похожий на вчерашний, — всё тот же беспорядок без перемен. Она села, спустила ноги на холодный пол. Сон ушёл, но что-то осталось — липкое, под рёбрами. Будто падение не прекратилось, просто она научилась не обращать внимания.

Она посмотрела в потолок. На нём всё ещё держалась старая люстра, которую они купили в первую совместную поездку в мегамаркет, когда Дани было полгода и они умудрились поссориться в отделе освещения. Она хотела стеклянную, он — тканевую. Победила, конечно, она. Ведь ещё тогда Сергей прислушивался к ней.

Сейчас спорить было не о чем. Они просто существовали параллельно. Два родителя в одной квартире, которые давно перестали быть мужем и женой, но почему-то так и не развелись.

— Мама! — Катя влетела в комнату, даже не постучав. — У Дани снова нет носков! Он говорит, что я взяла его носки, но я не брала, у меня свои, розовые, а его я даже не трогала, а он кричит!

Анна взяла дочь за плечи и развернула к двери.

— Дани, — крикнула она в коридор, — носки в стирке. Возьми из моей корзины для белья, там есть чистые чёрные. Из ванной донеслось неразборчивое бурчание, которое следовало понимать, как «ладно».

Катя дёрнулась, чтобы убежать, но Анна мягко удержала её.

— Поцеловать?

Дочь чмокнула её в щёку на бегу и исчезла так же стремительно, как появилась. Анна посидела ещё секунду. Потом встала и пошла в душ. Она включила воду погорячее. Только вода и тепло — и тяжесть постепенно

уходила из плеч, шеи и рук. Пар поднимался, заполнял комнату, запотевали стены, зеркало — будто мир снаружи переставал существовать. — Ещё минуточку, одну минуточку, — повторяла Анна себе. Ей хотелось убежать от всего этого, но её всегда останавливали «но». Потом мысли возвращались. Она думала о том, что сегодня нужно заехать в садик за Катиной сменкой, потому что она забыла её в пятницу. О том, что у Дани родительское собрание, а она обещала Сергею, что сходит именно она — у него важная встреча.

О том, что в офисе сегодня сдача квартальных отчётов и начальство будет нервным. О том, что в холодильнике закончилось молоко, а она опять забыла купить. Обычная жизнь, в которой не происходит ничего, кроме повседневности.

Выйдя из душа, Анна завернулась в полотенце и остановилась перед зеркалом. За тридцать пять лет она успела изучить своё лицо до мельчайших морщинок. Маленькая у левого глаза появилась года два назад, когда Катя болела ветрянкой и не спала ночами. У рта — прошлой зимой, после того как они с Сергеем решили, что спать в одной комнате больше не имеет смысла, и она переехала в детскую, пока он остался в спальне. Странное решение, если подумать: родители разъезжаются по разным комнатам, а детям объясняют, что «папе нужно рано вставать, а мама плохо спит».

Дети, кажется, верили. А как же иначе? Ведь для них родители — это главное, они всё знают, и как надо, и что делать.

Анна провела пальцем под глазами — синяков почти не было видно, сегодня можно обойтись минимумом тонального. Надела халат и вышла на кухню.

Сергей стоял у плиты и пытался спасти тосты, соскребая подгоревшие края ножом. Он был в домашних спортивных штанах и футболке, лохматый, небритый, сосредоточенный на процессе с таким видом, будто от этого зависела судьба человечества. Раньше Анну это умиляло. Теперь просто не трогало.

— Кофе будешь? — спросил он, не оборачиваясь.

— Сама налью.

Она прошла к кофемашине —единственной дорогой вещи, которую они купили за последние два года, потому что кофе был единственным, что ещё приносило удовольствие обоим. Нажала кнопку, прислушалась к привычному шуму помола.

— У Дани сегодня английский в четыре, — сказала она, доставая чашку. — Я не успею, заberi его, пожалуйста.

— Хорошо.

— И Катю из садика тоже. У них до пяти, но если опоздаешь, воспитательница опять будет злиться.

— Заберу.

— Ужин в морозилке, разогрей просто.

— Ань.

Она обернулась. Сергей смотрел на неё с выражением, которое она не могла прочесть. Не раздражение. Не усталость. Что-то другое.

— А?

— Я справлюсь. Ты можешь не инструктировать меня каждое утро, мне это не в новинку.

Повисла пауза. Анна открыла рот, чтобы ответить, но передумала. Взяла кофе, сделала глоток. Обожгла язык.

— Извини, — сказала она коротко. — Привычка.

Сергей кивнул, но в его взгляде осталось что-то недосказанное. Он хотел, что-то добавить — Анна видела это по тому, как дрогнули мышцы на скуле, — но в этот момент влетели дети, и разговор оборвался.

— Мама, я не могу найти второй носок!

— Мама, а Катя съела мой йогурт!

— Мама, а мы сегодня идём в парк?

— Мама, а папа сказал, что вы разведётесь, это правда?

Анна замерла с чашкой у рта.

В кухне стало тихо. Даже Катя, которая только что возмущалась по поводу йогурта, замерла. Сергей медленно повернулся от плиты. Лопатка с подгоревшим тостом застыла в воздухе.

— Даня, — сказала Анна максимально спокойным голосом, — что ты сказал?

Семилетний сын смотрел на них по очереди — на мать, на отца, снова на мать. В его глазах не было злости или страха. Только детское, чистое любопытство.

— Папа вчера по телефону говорил. С кем-то. Я слышал. Он сказал: «Если так пойдёт, нам проще развестись». А вы что, не разводитесь?

В кухне повисла тишина, густая и тяжёлая, как утренний туман.

Анна поставила чашку — очень осторожно, чтобы не разбить.

— Даня, — начала она, но не знала, что сказать дальше.

— Иди собирайся, — вмешался Сергей. Голос у него был ровный, почти железобетонный.

— Мы с мамой поговорим, а вечером всё объясним. Идите оба.

Даня посмотрел на отца, потом на мать, потом взял сестру за руку и вышел, не проронив больше ни слова. Дети знали, когда спорить бесполезно.

Когда шаги стихли, Сергей повернулся к Анне.

— Я не говорил, что мы разведёмся.

— Ты говорил про развод.

— Я говорил про ситуацию. С Димой обсуждал. У него похожая, он спрашивал совета.

— Ты обсуждал нашу семейную жизнь с Димой по телефону, когда дети могли слышать?

— Ань, я не думал, что он подслушивает.

— Он не подслушивал. Он живёт в этой квартире. Как и мы все.

Она взяла чашку, сделала ещё глоток. Кофе остыл и стал горьким. Идеально подходил к настроению.

— Мы не разведёмся, — тихо сказал Сергей. — Я не хочу развода.

Анна посмотрела на него. На этого человека, с которым прожила двенадцать лет. Которого любила, когда-то так, что не могла дышать в разлуке. Который был с ней, когда рождались дети. Который держал её руку, когда она тужилась в родзале, и плакал вместе с ней, когда Даня впервые сказал «мама».

Пять лет назад всё разбилось. И виновата была она. Хотя до сих пор не понимала — в чём именно.

Тот злополучный корпоратив. Она пришла поздно — задержали на работе, потом пробки. Выпила бокал шампанского, потом ещё один с кем-то из бухгалтерии. Кто-то подливал, она не заметила. Домой её везли на такси — кто именно, она не помнила. Утром проснулась с чугунной головой и провалом в памяти на последние два часа вечера.

Сергей встретил её молча. На кухне горел свет, он сидел за столом и смотрел в одну точку. «Где ты была?» — спросил он, хотя она стояла перед ним. Она рассказала: корпоратив, шампанское, такси. Он не поверил. «От тебя пахнет чужим парфюмом». Она понюхала рукав — действительно, сладкий, приторный, не её.

«Я не знаю, Серёж, я правда не помню. Кто-то, наверное, в такси...»

Он даже не слушал. Он уже всё решил для себя.

А через месяц она нашла в его кармане чек из ювелирного. Не ей. И фотографию в телефоне — он забыл заблокировать. Девушка с холодными глазами, красивая, холёная. Та самая, что потом снилась Анне годами.

Он не спросил, изменила ли она. Он просто сделал это сам. «В ответ». За то, чего не было.

С тех пор они жили рядом, но не вместе. Он так и не спросил её толком, что случилось тогда. Она так и не рассказала, как рыдала ночами. А та девушка исчезла, растворилась, осталась только занозой в памяти — и иногда, очень редко, Анне снилось её лицо. Холодное, красивое, с лёгкой усмешкой.

— А чего ты хочешь? — спросила она, прогоняя воспоминания.

Сергей открыл рот, закрыл. Пожал плечами.

— Не знаю. Чтобы перестало быть так... пусто.

— Мне пора, — сказала она, ставя чашку в раковину. — Я позвоню вечером. Про детей не забудь.

— Не забуду.

Она быстро вышла из кухни, оделась и прошла в прихожую. Накинула пальто, взяла сумку. У двери остановилась.

— Даня спросит вечером, — сказала она, не оборачиваясь. — Придумай, что ответить.

— А ты что предлагаешь? Соврать?

— Я предлагаю хотя бы договориться, что мы скажем. Чтобы не получилось, как сегодня. Сергей молчал.

Анна открыла дверь и вышла в подъезд.

Лифт, как назло, был на последнем этаже. Она нажала кнопку и прислонилась лбом к холодной стене.

В груди ныло. Не больно, а так — тянуще, неприятно, как перед болезнью. Она знала это чувство. Оно появлялось всегда, когда реальность давала трещину, в которую можно провалиться, если не удержишь равновесие.

Такое же чувство было во сне — перед тем, как темнота поглотила её целиком.

Лифт приехал. Анна вошла, нажала «этаж один». В зеркале напротив отражалась женщина в строгом пальто, с идеально уложенными волосами, с дорогой сумкой через плечо. Женщина, у которой всё под контролем.

Только зеркало не показывало, что у этой женщины внутри — дрожит, разрывается, кричит.

Пять лет, пять мучительных лет они живут как соседи по коммуналке. Ради детей. Так она говорила себе. Так они говорили себе. Но дети не слепые. Даня спросил про развод — не со зла, а потому что слышал, как отец говорил по телефону. И что она ответила? «Мы не разводимся». Соврала!? Потому что сама ещё не решилась произнести это вслух. Развод — это не «если». Это вопрос «когда?».

Она знала это уже год, может, два. Просто откладывала. Ждала подходящего момента, которого не бывает. Ждала, когда дети подрастут, когда ипотека закроется, когда на работе станет полегче. Но легче не становилось.

«Хватит», — подумала она, глядя в своё отражение. В нём жила женщина, у которой всё под контролем.

Глава 2

Офис находился в деловом центре на окраине города.

Камнеград. Город, выросший вокруг заводов ещё в советские годы и так и не сумевший оторваться от них. Полтора миллиона человек, серое небо большую часть года, ветер, который дует с промзоны и приносит запах металла и угля. Солнце здесь бывает редко, зато тоска — часто. Жить в Камнеграде — значит привыкнуть, что жизнь проходит где-то в другом месте. В Стольном, в Невинске, хоть где-то, где небо выше и воздух чище. Но уезжают немногие. Остаются, обрастают семьями, ипотеками, привычками. И медленно каменеют сами.

Стеклянная высотка, в которой работало полторы тысячи человек и где Анна чувствовала себя почти незаметной — ровно настолько, чтобы комфортно существовать, не привлекая лишнего внимания.

Она прошла через турникет, кивнула охраннику, нажала кнопку лифта. Двадцать второй этаж. Отдел корпоративных контрактов.

В лифте ехали молча. Две девушки из бухгалтерии обсуждали вчерашний сериал, мужчина в синем костюме читал что-то в телефоне. Обычные лица. Обычное утро в обычном офисе.

На своём этаже Анна прошла мимо ресепшена, где Лена — вечная Лена, которая работала здесь дольше, чем существовало здание, — поливала фикус и смотрела в окно.

— Доброе, — бросила Анна на ходу.

— Доброе, — ответила Лена без интереса.

Кабинет Анны был маленьким, но своим. Стол, стул, компьютер, стеллаж с папками. Только папки были не обычные — в них хранились договоры с галереями, экспертные заключения о подлинности, документы на перевозку картин через границу. Она любила эту работу. Любила прикасаться к искусству хотя бы через бумаги, потому что в Камнеграде настоящего искусства почти не было.

Она включила компьютер, открыла почту. Пять писем. Два спама, одно от бухгалтерии с просьбой подтвердить расходы, одно от юриста с правками по контракту, одно...

Одно от генерального директора.

«Анна, зайдите ко мне в 10:30. Важно».

Она посмотрела на часы. 10:15. Сердце дёрнулось. Вызов к директору — всегда стресс. Даже если ты не сделал ничего плохого. Даже если, наоборот, сделал всё хорошо. В корпоративном мире вызов к первому лицу мог означать что угодно: от повышения до увольнения, от благодарности до разноса.

Анна открыла ящик стола, достала зеркальце, поправила макияж. Глупо, но ритуал помогал успокоиться.

Ровно в 10:30 она стояла перед дверью с табличкой «Генеральный директор С. В. Воронцов».

Постучала.

— Войдите.

Воронцов был классическим директором из старых фильмов: седой, подтянутый, в дорогом костюме, с тяжёлым взглядом, который, казалось, видел людей насквозь. Он сидел за огромным столом красного дерева, и Анна всегда чувствовала себя маленькой девочкой перед этим столом.

— Садитесь, — кивнул он на стул.

Анна села. Руки положила на колени. Ждала. Воронцов посмотрел на неё поверх очков. Потом отодвинул папку, которая лежала перед ним.

— Вы хорошо работаете, Анна.

— Спасибо.

— Я не благодарю, я констатирую факт. — Он открыл папку. — Ваш отдел подготовил контракт с «Гольфстримом». Я посмотрел. Качественно, без обычной для нашей бюрократии воды.

— Я старалась. Это перспективный партнёр.

— Именно. — Воронцов захлопнул папку. — Они хотят подписания в ближайшие дни. Но есть нюанс. Они не хотят иметь дело с юристами, которые сидят в Камнеграде и видят их бизнес только на бумаге.

Анна молчала, стараясь не гадать, к чему он клонит.

— Вы летите в Невинск, — сказал Воронцов. — Завтра утром. Они оплачивают все расходы. Вы живёте там до подписания, знакомитесь с их командой, изучаете их изнутри. К концу недели — если всё сложится — подписываете контракт. Если нет — возвращаетесь и докладываете, почему.

Анна моргнула.

— В командировку?

— Вы удивлены? — Воронцов чуть усмехнулся. — Думали, пошлём кого-то из начальства? Они запросили конкретного исполнителя. Того, кто готовил документы. Ваша фамилия в документах стояла первой.

— Я... — Анна запнулась. — На сколько?

— Неделя максимум. Может, меньше. Зависит от них.

Она молчала, переваривая. Неделя в Невинске.

Невинск был другим. Город, который жил, дышал, сверкал. Белые ночи, разводные мосты, рестораны, где ужинают актёры, чьи лица мелькают в журналах. На улицах узнают писателей, в театрах — премьеры, в галереях — вернисажи, куда приезжают даже из Стольного. Здесь воздух пахнет Невой и свободой, а не металлом и углём, как в Камнеграде. Сюда приезжают, чтобы жить. А она приедет, чтобы работать. Но хотя бы подышит этим воздухом. Неделя без утренних сборов, без горелых тостов, без Даниных вопросов про развод, без этого тянущего чувства пустоты в собственной квартире.

— Проблемы с детьми? — спросил Воронцов. В его голосе не было сочувствия, только деловая фиксация.

— Решу.

— Вот и решайте. — Он протянул ей папку. — Билеты и документы у секретаря. Вылет в 9:20 из аэропорта Камнеграда. Вас встретят.

Анна взяла папку. Встала.

— Спасибо.

— Работайте. — Четко сказал Воронцов.

Она вышла из кабинета, прошла мимо секретаря, взяла конверт с билетами, спустилась на свой этаж, вошла в кабинет, закрыла дверь и только тогда позволила себе выдохнуть. Неделя в Невинске. Она посмотрела на телефон. Надо звонить Сергею. Нажала вызов.

— Привет, — сказал Сергей после второго гудка. — Что-то случилось?

— Случилось, — ответила Анна. — Я уезжаю в командировку. Завтра утром. На неделю. Повисла пауза на линии.

— Куда?

— В Невинск. Работа.

— А дети?

— А дети с тобой. Ты же справишься?

В трубке молчали. Анна представила, как он сейчас стоит на кухне — может, всё ещё в тех же штанах, лохматый, небритый, — и пытается придумать возражение.

— Справлюсь, — сказал он наконец.

— Вот и отлично. Я вечером всё расскажу. Пока.

— Пока.

Вечером дома было шумно. Сергей встретил её напряжённым взглядом, но молчал. Он был недоволен — Анна видела это по тому, как он сжимал челюсть, как избегал смотреть ей в глаза. Но держался. Не скандалил, не выяснял отношения. Просто помогал разобрать пакеты с продуктами, которые она купила по дороге, и делал вид, что всё в порядке.

— Мама, ты правда уезжаешь? — Катя подбежала к ней, обхватила за ноги. — Надолго?

— На неделю, малыш. Постараюсь быстрее.

— А что ты мне привезёшь?

Анна улыбнулась, присела на корточки, чтобы быть на одном уровне с дочерью.

— А что ты хочешь?

Катя задумалась. Глаза у неё были серьёзные, почти взрослые.

— Красивую штучку. Такую, каких у нас нет. Из Невинска же всё красивое, да? Там же знаменитости живут?

— Живут, — кивнула Анна. — Я тебе такую штучку привезу, что все подружки обзавидуются.

— И носки! — крикнул Даня из комнаты. — Обычные носки, без дырок!

— И носки, — рассмеялась Анна.

Катя убежала составлять список. Серьёзный, на листе бумаги, с картинками и стрелочками. Анна заглянула через плечо: там уже значились «серёжки как у принцессы», «конфеты в красивой коробке» и «что-то блестящее, мама сама знает». Даня весь вечер не отходил от Анны. Сначала помогал разобрать сумку, потом сидел рядом, когда она гладила, потом принёс показать рисунок, хотя обычно свои рисунки показывал только когда закончит. Он не задавал вопросов. Просто был рядом. Тёрся плечом, заглядывал в глаза, словно хотел запомнить. Или словно боялся, что она не вернётся. Анна обняла его, прижала к себе.

— Ты чего, Дань?

— Ничего.

— Скучать будешь?

Он пожал плечами, уткнулся носом ей в плечо. И вдруг тихо спросил:

— Мам, а вы с папой разведётесь?

У Анны сжалось сердце. Она гладила его по голове, чувствуя, как напряглись худенькие плечи.

— Нет, родной. Мы не разведёмся.

— А почему тогда папа сказал?

— Папа сказал глупость. С кем не бывает. Мы просто устали оба. Но это пройдёт. У всех так бывает.

— У всех?

— У многих. А потом проходит. И всё становится хорошо.

Даня поднял голову, посмотрел на неё с сомнением.

— Точно?

— Точно. Ты главное не грусти, ладно? Я вернусь, и мы что-нибудь придумаем. В парк сходим, или в кино, или куда захочешь.

— В зоопарк, — сказал он.

— Договорились. — Он чмокнул её в щёку и убежал в свою комнату. Анна смотрела ему вслед и думала, что иногда дети мудрее взрослых. Они не умеют делать вид. Они просто любят — и всё.

Ночью она почти не спала. Ворочалась, слушала тишину квартиры, скрип половиц в коридоре — это Сергей ходил на кухню за водой. Они не разговаривали перед сном. Уже давно не разговаривали. Просто расходились по разным комнатам, как соседи по коммуналке.

Под утро она задремала. И снова падала в темноту. Снова не могла ухватиться за пустоту. Анна встала в шесть, пока дети спали. Собралась быстро — чемодан был уже почти готов, оставалось только косметичка и документы. Надела удобный костюм для перелёта, проверила билеты, паспорт. В семь завтракали—молча. Катя клевала носом над тарелкой, Даня рисовал что-то на салфетке. Сергей пил кофе и смотрел в телефон.

— Я позвоню, как прилечу, — сказала Анна.

— Хорошо.

— Если что — звоните сразу.

— Звоните, — машинально повторил Даня, не отрываясь от рисунка.

Анна подошла к нему, поцеловала в макушку.

— Я тебе привезу что-нибудь из Невинска.

— Ты уже говорила.

— Ещё раз говорю.

Она поцеловала сонную Катю, которая даже не открыла глаза, только чмокнула воздух в ответ. Подошла к Сергею. Замялась.

— Ну... я пошла.

— Удачно слетать, — сказал он, не поднимая глаз.

Анна кивнула. Взяла чемодан, повесила сумку на плечо. У двери оглянулась.

Даня смотрел на неё. Молча, серьёзно, совсем не по-детски.

— Я вернусь, — сказала Анна. — Быстро.

Он кивнул. Она открыла дверь. Перешагнула порог и дверь закрылась с тяжёлым, глухим стуком. Анна стояла в подъезде, слушала, как затихает эхо. Где-то внутри дрогнуло, сжалось, заныло. Она запретила себе думать. Просто нажала кнопку лифта.

— Вперёд, — сказала она себе тихо. И шагнула внутрь.

Глава 3

Дорога до аэропорта — как в тумане. Анна очнулась уже в самолёте. Кресло начало противно вибрировать, когда лайнер набирал высоту. Камнеград уменьшался, уползал вниз за облака — серый, плоский, знакомый до тошноты. Анна откинулась и закрыла глаза. Всего на минуту — и провалилась в неглубокий сон. Она проснулась за час до посадки. Резко, будто кто-то толкнул в плечо. За иллюминатором было уже другое небо — светлее, выше, с редкими облаками. Анна моргнула, прогоняя сон, и потянулась к сумке. Открыв папку с документами, пробежалась глазами по знакомым страницам. Контракт выверен до запятой, но сейчас она читала его заново, как разведчик изучает карту перед вылазкой. Каждый пункт, каждое приложение, каждую цифру. В голове крутились вопросы: кто они, эти люди? Чего хотят на самом деле? В её работе важно не только то, что написано, но и то, что между строк.

В зале прилёта её ждал водитель. Он стоял у выхода с табличкой, на которой крупными буквами вывели: «АННА». Обычный мужчина в тёмном костюме, с вежливой улыбкой и глазами, которые смотрели ровно настолько, насколько положено.

— Анна? Добро пожаловать в Невинск. Машина у выхода.

Он взял чемодан и повёл к выходу. Анна шла за ним и ловила себя на том, что вдыхает воздух полной грудью. Здесь пахло по-другому. Не углём и металлом, а влажностью, рекой, свободой. Даже в стерильном аэропорту этот запах пробивался сквозь толпу. Машина была чёрной и большой. Анна почувствовала себя кем-то другим. Села на заднее сиденье, водитель закрыл дверь, и они вырулили со стоянки. Город мелькал за окном. Анна смотрела и не могла насмотреться. Набережные, мосты, старинные здания — в Камнеграде такие были только на открытках. Люди одеты иначе: свободнее, ярче. Даже свет здесь казался другим.

Она поймала себя на мысли, что улыбается. Впервые за долгое время.

Отель назывался «Ажуар». Анна читала о нём в журналах. Один из лучших в городе, с видом на реку, с рестораном, где ужинают знаменитости, с номерами, которые бронируют за полгода. Теперь она стояла в холле и чувствовала себя немного не в своей тарелке. На ресепшене её ждали. Девушка-менеджер — на бейдже имя Катя. Анна по привычке всегда изучала людей взглядом. Милая, симпатичная, но оформляла документы как-то странно. То и дело поднимала глаза на Анну, смотрела слишком долго, отводила взгляд, снова смотрела. Пальцы чуть дрожали, когда она протягивала ключ.

— Ваш номер, — сказала она тихо. — Люкс на седьмом этаже. Если что-то понадобится...

— Спасибо, — Анна не дала девушке закончить и взяла ключ. И поймала себя на мысли: девушка её боится? Или нервничает? Выглядело это странно. Провожатый довёл её до номера, открыл дверь — и Анна забыла про странную девушку.

Номер был завораживающим. Огромная кровать, панорамные окна во всю стену, за ними — потрясающий вид на город, который звал к себе, чтобы посетить каждую улочку. Ванная с джакузи, фрукты на столе, шампанское в ведёрке со льдом. Анна прошла к окну, прижалась лбом к стеклу и выдохнула. Хотелось лечь и не вставать. Остаться здесь, почувствовать себя чем-то большим и значимым. Заказать еду в номер, набрать ванну, забыть про всё.

— Но нельзя, — сказала она себе. Анна посмотрела на часы. — Пора.

Документы в руки, ключ в карман, улыбку — на лицо. Вперёд. Водитель всё ещё ждал внизу.

Анна прибыла на место. Подняла голову. Здание было другим — не камнеградским. Высоким, лёгким, стеклянным, будто сотканным из воздуха и денег. Охрана на входе, турникеты, таблички на двух языках. Анна назвала фамилию, ей выдали пропуск, проводили к лифту.

Она знала о «Гольфстриме» немного, но самое главное — они были новыми деньгами на рынке. Не старые коллекционеры, не наследники империй, а люди, которые за последние десять лет сколотили состояние на перепродаже русского искусства за границу. Слухи ходили разные: кто-то называл их гениями арбитража, кто-то — перекупщиками с сомнительными связями. Факт оставался фактом: если контракт подпишут, её отдел получит премию, а Воронцов — выход на европейские аукционы, куда без «Гольфстрима» путь закрыт. Сам контракт был на сопровождение трёх крупных сделок: продажа коллекции авангарда частному музею в Стольном, вывоз партии современного искусства на ярмарку в Европу и — самая деликатная часть — приобретение картины, чьё происхождение требовало экспертной проверки. Именно последний пункт Анна прописала особенно тщательно: слишком много репутационных рисков. Если где-то была заложена мина, то именно там.

На нужном этаже её встретили. Сначала секретарша — строгая женщина в очках, которая окинула Анну быстрым оценивающим взглядом и кивнула куда-то вглубь коридора. Потом другая девушка, моложе, приветливее, проводила до переговорной и открыла дверь.

— Подождите минуту, — сказала она. — Мария Владимировна сейчас подойдёт. Переговорная была огромной. Стол на двадцать человек, кожаные кресла, ещё одно панорамное окно с видом на город. Анна села, положила документы перед собой, сложила руки на коленях. Ждать пришлось недолго. Дверь открылась, и вошла женщина.

Она была примерно одного возраста с Анной. Те же тридцать пять — плюс-минус. Но какая-то другая. Ухоженная до блеска, в дорогом костюме, с идеальной укладкой и уверенностью во взгляде, которая бывает только у тех, кто родился с этой уверенностью.

— Анна? — Женщина улыбнулась и протянула руку. — Мария. Очень рада познакомиться.

— Взаимно.

Они сели друг напротив друга. Мария раскрыла папку, пробежалась глазами по первым страницам.

— У вас отличная работа, — сказала она. — Я смотрела. Чисто, профессионально, без воды.

— Спасибо.

— Но есть нюансы, которые я хочу обсудить лично. — Мария подняла глаза. — Вы не против, если мы задержимся?

— Я здесь для этого.

Они говорили долго. Очень долго. Мария задавала вопросы. Про каждый пункт, про каждую формулировку, про то, почему написано так, а не иначе. Анна отвечала, объясняла, аргументировала. Где-то внутри нарастало раздражение — она чувствовала, что Мария проверяет её. Не документы, а именно её. На прочность, на компетентность, на стрессоустойчивость. «Да что она ко мне привязалась?» — мелькнуло в голове. Анна уже хотела сказать что-то резкое, собрать бумаги и уйти. Она не нанятая прислуга. И в этот момент дверь открылась. В переговорную влетел парень.

Молодой, красивый, с нагловатой улыбкой и глазами, которые сразу нашли Анну. Он прошёл к столу, плюхнулся на стул рядом с Марией и начал что-то говорить быстро, возбуждённо, перебивая сам себя.

— Маш, слушай, там такая тема, ты не представляешь...

— Лёш, — Мария оборвала его на полуслове. — Я занята.

— Да я на минуту, послушай...

— Я сказала — занята. Иди в кабинет, я потом подойду.

Он не обиделся. Только усмехнулся, перевёл взгляд на Анну, задержался на секунду дольше, чем следовало, и поднялся.

— Ладно, ладно, понял. Работа прежде всего. — Он подмигнул Анне. И вышел так же стремительно, как появился.

Мария вздохнула, покачала головой.

— Извините. Мой брат. Иногда бывает невыносим.

Анна улыбнулась, но внутри что-то шевельнулось.

— Продолжим, — сказала Мария, возвращаясь к документам.

Они говорили ещё час. Анна устала. Глаза слипались, голова гудела от цифр и формулировок. Она уже почти ненавидела этот контракт, эту переговорную, этот город.

И тут Мария откинулась на спинку кресла, закинула ногу на ногу.

— Знаете что, Анна? Мне нужно подумать.

Анна замерла, от недоумения, столько сидеть и обсуждать контракт, чтоб потом сказать ей надо подумать.

— Несколько дней. Документы хорошие, очень хорошие. Но я хочу посмотреть на них свежим взглядом. Вы пока располагаетесь в гостинице, всё оплачено. Погуляйте по городу, отдохните. Мы свяжемся, как только я приму решение. Анна с трудом сдержала вздох облегчения.

— Хорошо, — сказала она спокойно. — Я на связи.

— Договорились.

Они пожали руки. Анна собрала документы, вышла из переговорной, прошла мимо секретарши, к лифту. Внутри всё пело. Свобода! Хотя бы на пару дней.

В хорошем настроении Анна вышла из лифта — и чуть не столкнулась с ним.

Тот самый парень, который влетел в переговорную как к себе домой. Стоял у выхода, разговаривал с кем-то по телефону, но, увидев Анну, быстро свернул разговор и улыбнулся.

— О, вы уже закончили?

Анна остановилась.

— Да. Ваша сестра сказала, что ей нужно подумать.

— О, это она умеет, — усмехнулся Алексей. — В делах очень педантична. А вы что, в гостиницу?

— В отель, да.

— Скучно же. — Он смотрел на неё с любопытством. — Слушайте, давайте поужинаем? Я знаю тут одно место...

Анна на секунду задумалась. Стоит ли? Это же брат владелицы. Почему бы и нет? Просто ужин.

— Я Анна, — сказала она.

— Знаю, — улыбнулся Алексей. — Я Лёша. Так что насчёт ужина?

Анна не сдержала улыбку.

— Договорились.

— Отлично. Я заеду за вами в семь. В какой вы остановились?

— «Ажуар».

— Шикарно. — Он кивнул. — Тогда до вечера.

И пошёл к лифту, насвистывая что-то весёлое.

Анна смотрела ему вслед и думала, что Невинск начинает ей нравиться.

Глава 4

Анна посмотрела на часы. Времени ещё было, и она решила прогуляться — отвлечься, поймать себя на мысли, что сейчас она делает это для себя. Не для детей, не для Сергея, не для Воронцова, а для себя.

Невинск дышал свободой. Она прошлась по маленьким улочкам в центре, заглянула в витрины, разглядывая то, что в Камнеграде можно было увидеть только в журналах. В небольшом книжном на углу задержалась — запах бумаги и тишины умиротворял. Взяла журнал афиш, чтобы понимать, что происходит в городе. И там нашла объявление. Выставка современного искусства в галерее на набережной. Те самые художники, чьи работы она оформляла по контракту. Та выставка, на которую мечтала попасть. В Камнеграде такое бывает раз в пять лет, да и то в Стольный надо ехать. А здесь — вот она, будет ещё три дня.

На кассе она взяла закладку — яркую, ядовито-зелёную, цвета, который обычно ненавидела. Но что-то в ней было такое, отчего Анна не смогла пройти мимо. Вложила в журнал, решив, что пригодится. Да и для работы полезно — увидеть живую, а не на фотографиях.

До гостиницы добралась уже в сумерках. В номере было тихо и прохладно — кондиционер работал на полную. Анна бросила сумку на кровать, достала чемодан. И замерла. Чемодан был расстёгнут. Она точно помнила, что закрывала его перед вылетом. Молния застёгнута до конца, она проверяла. А сейчас разошлась на треть. Анна нахмурилась, провела рукой по замку. Может, сам расстегнулся, когда несли? Или в багажном отделении зацепился? Поддержала бегунок. Работает. Ничего не пропало. Анна пожала плечами, решив не придавать значения. Наверное, просто показалось. Стресс, перелёт, усталость.

Приняла быстрый душ. Достала из чемодана простое, но элегантное платье. Шёлковое, цвета тёмной вишни. Сергей подарил его лет пять назад, на какую-то годовщину. Тогда ещё дарил. Платье висело в шкафу годами, она не надевала — не было повода. А сегодня повод был. Во время макияжа зазвонил телефон.

— Анна? Вас ожидают внизу, — голос портье вежливый и нейтральный.

— Спускаюсь.

Она нанесла последние штрихи — тушь, лёгкие тени, помаду спокойного оттенка, чтобы не перебивать платье. Посмотрела в зеркало, подмигнула отражению, взяла сумку и вышла.

Она знала, что можно показать, а что лучше спрятать. Фигурой природа не обидела — даже после двух родов оставалась женственной, мягкой, но собранной. Тонкая талия, плавные бёдра, руки, которые не стыдно открыть. В этом платье она выглядела так, будто ей двадцать пять, а не тридцать пять. Будто за спиной не было пяти лет пустоты.

В холле её ждал Алексей. Он стоял у стойки ресепшена, листал что-то в телефоне, не поднимая головы. Рядом суетилась девушка-менеджер, та самая, что нервничала при заселении. Она что-то говорила ему быстро, тихо, почти умоляюще, жестикулировала, пыталась привлечь внимание. Но Алексей только кивал, не отрываясь от экрана, и бросал короткие односложные ответы, даже не глядя на неё.

— Лёша, ты меня слышишь? — донеслось до Анны. В голосе девушки звучало отчаяние.

— Слышу, — ответил он равнодушно. — Потом.

Анна сделала шаг из лифта, и в этот момент Алексей поднял голову. Увидел её — и замер. Телефон опустился сам собой. Он смотрел так, будто видел впервые. Будто до этого была какая-то другая женщина, а теперь совсем другая. Девушка на ресепшене проследила за его взглядом, увидела Анну — и поперхнулась. Схватила за горло, закашлялась, прикрывая рот ладонью. В глазах мелькнуло что-то, чего Анна не смогла прочитать: страх? Ненависть? Зависть?

Алексей наконец улыбнулся, но улыбка была другой — мягче, серьёзнее.

— Вы... — он запнулся. — Выглядите потрясающе.

— Спасибо, — сказала Анна, улыбнувшись.

Он открыл перед ней дверь, пропуская вперёд, как джентльмен из старых фильмов. У входа уже ждала машина. Алексей открыл дверцу, подождал, пока она сядет, и только потом обошёл и сел за руль.

— Куда поедет? — спросила Анна.

— Есть одно место. Вы танцуете?

— Не очень, — честно призналась она.

— Значит, будем исправлять.

По пути болтали о всякой ерунде. Лёша оказался забавным — сыпал шутками, рассказывал смешные истории про клиентов сестры, передразнивал знакомых. Анна смеялась, сама не замечая, как расслабляется. С ним было легко, не надо ничего доказывать, не надо быть идеальной матерью или безупречным юристом. Можно просто сидеть и наслаждаться компанией.

В ресторане было шумно и ярко. Латинская музыка, столики с низкими свечами, бар, где смешивали коктейли с фруктами. Официант провёл их к столику у окна, подал меню. Анна заказала что-то лёгкое, Лёша — вино. Она рассказала немного о себе: работает в Камнеграде, двое детей, Даня и Катя. О муже говорила коротко и ровно — только хорошее. Что заботливый, что дети его любят. Не рассказывала, как они спят в разных комнатах. Не рассказывала про след от помады пять лет назад. Не рассказывала про ту девушку с холодными глазами. Лёша не настаивал. Вместо этого рассказывал о себе.

В ходе разговора Анна заметила, что гости ресторана часто поглядывают на них и перешёптываются. Но Алексей не обращал внимания.

— Мы с Марией двойняшки, — говорил он, крутя бокал. — Она старше на семь минут и всю жизнь меня воспитывает. Без неё — как без рук.

— И чем ты занимаешься?

— Всем понемногу. Помогаю сестре, иногда сам что-то проворачиваю. — Он усмехнулся. — Говорят, у меня талант к переговорам. Я считаю, просто умею нравиться людям.

— И часто это помогает?

— Чаше, чем профессионализм, — подмигнул он. — Но Мария не даёт расслабляться. Говорит, что рано или поздно обаяние перестанет работать, и тогда я останусь с пустыми руками.

Анна улыбнулась. Она почти забыла, как это — просто сидеть с приятным мужчиной и разговаривать ни о чём.

Когда образовалась небольшая пауза, Анна решила посетить дамскую комнату.

— Отлучусь ненадолго.

— Без проблем.

В кабинке она услышала разговор двух девушек:

— Ты её видела? Да нет, ту, сестру. Ну ту, что... сама понимаешь. И ничего, выступает. Полгода всего прошло, а она... Страшно, да?

Анна вышла помыть руки. Девушки заметили её и поспешили выйти. Не придав значения, Анна вернулась в зал.

Когда подошла к столу, Алексей протянул ей руку.

— Потанцуем?

— Нет, я правда не умею.

— Я научу. Давай.

Она упиралась как могла, но он всё равно вытащил её на танцпол. Музыка была ритмичной, быстрой. Анна чувствовала себя неловко, делала неуклюжие движения. После всей наставнической речи Алексея, она перестала думать. Закрыла глаза и позволила телу двигаться. Он

вёл уверенно, но мягко — не ломал, не заставлял, просто подхватывал, направлял, кружил. И в какой-то момент Анна поняла, что у неё получается. Она танцевала. Легко, свободно, красиво.

— Видишь? — крикнул Лёша сквозь музыку. — Ты умеешь.

— Я не знала.

— Просто не было правильного партнёра.

Они танцевали ещё долго. Потом вернулись за столик, допили вино. Анна чувствовала приятную усталость во всём теле — расслабленность, которая приходит, когда отдаёшься моменту и не думаешь о завтрашнем дне.

— Я вызову трезвого водителя, — сказал Лёша, заметив, что она трёт щиколотку. — Не хочу, чтобы ты потом ненавидела меня за штрафы.

Он сделал звонок. Через пятнадцать минут у входа стояла машина, за рулём — парень в очках. Молодой, серьёзный, с непроницаемым лицом. Анна мельком взглянула на него и почему-то запомнила. Что-то в его лице заставило её подумать: этого человека я ещё увижу. Непонятно почему.

— Может, пройдемся? — предложил Лёша. — Ноги размять.

— Лёш, я как вареник. Ноги гудят, спать хочу.

— Тогда поехали.

Они сели на заднее сиденье. Водитель вёл аккуратно, не вмешиваясь в разговор. А они болтали, как старые друзья. Анна поймала себя на мысли, что ей легко с ним. Как с подружкой. Не надо следить за каждым словом, не надо бояться быть неправильной.

В какой-то момент Лёша полез в карман за телефоном и что-то выронил. Анна нагнулась поднять — и рассмеялась.

— О, у тебя такая же!

Закладка. Ядовито-зелёная, точно такая же, как она купила в книжном. Лёша посмотрел на неё и расхохотался.

— Господи, этот цвет! Купил сегодня в каком-то магазине, даже не знаю зачем. Просто рука потянулась.

— Я тоже такую купила! — сказала Анна, протягивая ему свою. — Смотри.

Лёша взял обе, повертел в руках, сравнивая.

— Одинаковые, — констатировал он. — Это судьба. Мы оба подвержены спонтанным покупкам невнятных вещей.

Анна рассмеялась, но в этот момент телефон Лёши завибрировал. Он мельком глянул на экран — и она заметила, как на мгновение его лицо изменилось. Улыбка сползла, глаза стали жёсткими, почти испуганными. Только на секунду. Он сунул телефон в карман, даже не ответив, и снова улыбнулся ей, но улыбка вышла натянутой.

— Кто-то важный? — спросила Анна.

— Работа, — отмахнулся он. — Мария постоянно дёргает. Ничего серьёзного.

Он перевёл тему, начал шутить про закладки, и Анна почти забыла об этом моменте.

Водитель в очках не оборачивался, но Анне показалось, что в зеркале заднего вида мелькнула тень улыбки.

Они смеялись всю дорогу до гостиницы, обсуждая, зачем люди покупают вещи, которые им не нужны, и почему это приносит столько радости. Машина остановилась у «Ажуара». Лёша вышел, открыл дверцу, подал руку. Анна выбралась, чувствуя, как тело наполнено лёгкой приятной усталостью — музыкой, танцами, вином, свободой.

— Спасибо за вечер, — сказал Лёша. Глаза тёплые, в голосе — непривычная мягкость. — Ты удивительная.

— Ты тоже, — улыбнулась Анна.

Он сделал шаг вперёд, наклонился и поцеловал её в щёку. Коротко, легко, почти по-дружески.

— Спокойной ночи, принцесса, — сказал он.

Анна поднялась в номер. Шла по коридору, улыбаясь собственным мыслям.

* * *

Алексей постоял ещё у двери гостиницы и сел в машину на переднее сиденье.

— А ты что переживаешь? И вообще, что ты здесь делаешь, Артём? — сказал Алексей недовольным голосом.

— А ты как думаешь? Маша попросила приглядеть за тобой, а то ты опять куда-нибудь влипнешь, а ей разбирать.

— Придержи язык! — отрезал Алексей, и в голосе не осталось и следа от недавней мягкости.

* * *

В номере было тихо. Анна прошла к кровати, села, сбросила туфли. Всё тело приятно ныло после танцев — так бывает, когда после долгого перерыва вдруг вспоминаешь, как оно умеет двигаться. Она взглянула на телефон, на экране горело уведомление. Сергей: три пропущенных, сообщение: «Как долетела?», затем: «Даня спрашивает», потом: «Ань, ну ответь», и ещё одно: «Спокойной ночи».

Анна вздохнула и набрала Сергея.

— Аллю? — Сергей ответил сразу.

— Привет. Долетела нормально. Просто день выдался тяжёлым.

— Я волновался.

— Я в порядке.

— Даня хочет поговорить.

Послышался шум, после голос сына:

— Мама, ты где?

— В командировке, Дань. Я же говорила.

— А когда приедешь?

— Через несколько дней. Ты не грустишь?

— Немножко, — честно признался он. — Ты привезёшь что-нибудь?

— Конечно.

Потом говорила с Катей. Та что-то щебетала про садик, про то, что папа сегодня снова съёг тосты, но она их всё равно съела, потому что не хотела его расстраивать. Анна слушала и улыбалась.

— Спокойной ночи, малыши.

— Спокойной ночи, мама.

Она кинула телефон на дальний конец кровати, подальше, чтобы не видеть. Она встала, потянулась, разделась, оставшись в белье. Подошла к окну. В тёмном стекле отражалась она сама — женщина в кружевном белье, с влажными после душа волосами, с лёгкой улыбкой, которая никак не сходила с лица. Провела ладонями по плечам, по талии, по бёдрам. Закрыла глаза. Захотелось почувствовать каждую клеточку тела. Вспомнить, каково это — жить в своём теле, а не использовать его как средство передвижения между работой и домом. Она думала о Лёше. Об этом вечере. О том, как он смотрел на неё, когда она вышла из лифта. Как вёл в танце. Как поцеловал в щёку на прощание.

«Этот вечер был шикарный», — подумала она.

И не хотелось возвращаться в старую жизнь. В пустоту, в невысказанное, в холодные простыни. Анна плюхнулась на кровать, раскинув руки в стороны. Бельё кружевное, тонкое, почти невесомое. Простыни прохладные, пахнут лавандой. Глаза закрывались сами собой.

Она не заметила, что журнал с афишами остался в сумке, которую бросила на кресло у входа. И что закладка так и лежала в нём, яркая, ядовито-зелёная — та самая, что была у Лёши.

Уснула мгновенно. И во сне снова падала. В темноту, в пустоту, ту, что поглощала её. Но теперь в падении была не только тоска. Было что-то ещё. Она не знала, что на дне этой темноты её уже ждали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.